Здесь уместно провести историческую аналогию между Древней Грецией и Римом, когда процесс культурной экспансии привел к восприятию культурной греческой традиции как общей традиции античности. Нечто подобное на новом витке исторического развития вполне может произойти и в отношении модернистской западной социокультурной традиции и в этом, по всей вероятности, и заключается великая историческая миссия глобализации.

В. И. Красиков

доктор философских наук, профессор

Кемеровский государственный университет

ТЕРПИМОСТЬ, НАСИЛИЕ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ[9]

Название статьи вроде бы делает излишним ее чтение: все и так ясно – в условиях того формата, который «по умолчанию» сложился в господствующей, демонстративно-показной гуманистической традиции. Первое – хорошо, второе – плохо. Меньше первого – больше второго. Все довольны, водят хороводы и поют дифирамбы гуманизму и либерализму.

Меж тем, существуют не до конца проясненные обстоятельства, которые задают иной ракурс рассмотрения этих понятий. Во-первых, не совсем прозрачна их подразумеваемая взаимная обусловленность. Во-вторых, что еще важнее, ведущей, субстанциальной стороной в паре «терпимость–насилие» является все же «насилие». «Терпимость» – отражение исторического уровня сдерживания негативных человеческих чувств и насилия, уровня и форм признания противоборствующими сторонами друг друга, она – пассивное следствие. В-третьих, позитивные функции насилия более антропологически ценны, нежели позитивные функции терпимости – однако обратное все же неверно: негативные функции насилия опаснее, нежели негативные функции терпимости.

«Толерантность» – категория, «изобретенная» относительно недавно [1] для обозначения некоего качественного (морально-правового) критерия, выработанного для «измерения» исторических и социальных уровней взаимной терпимости (признания и приятия) людей. Более того, «толерантность» – это специфическое новообразование, идеологический конструкт более XX в., выражающий и легитимирующий рессентимент и социальный реванш прежде маргинальных групп.

Так или иначе, но базовым понятием, раскрывающим содержательный объем новообразования «толерантности» продолжает оставаться древнее, можно сказать «архетипическое» слово «терпимость». Соответственно, именно его смыслы должны быть соотнесены с понятием «насилия».

Сразу бросается в глаза общая *реактивность* этих смыслов. С одной стороны, это единый комплекс волевых, эмоциональных и когнитивных реакций, разных аспектов личностного осознавания и противостояния насилию как таковому, с другой – отчасти разнящиеся реакции, зависящие от субъективной оценки испытываемого насилия.

Итак, какие же смыслы-реакции образуют терпимость как единый комплекс *сдерживания негативного, его позитивизации, умиротворения,* идущего как извне (насилие, стеснение), так и изнутри (негодование, враждебность, ненависть)?

Терпимость есть:

[9] Статья подготовлена при финансовой поддержке и в рамках выполнения гранта РФФИ проект № 07-06-00067-а

- Претерпевание, внутреннее страдательное психическое состояние, когда человек «выносит», «переносит», «сносит» что-либо или же кого-либо, «нуждается» в чем-либо, ком-либо, «страдает» от чего-либо, кого-либо. Это реакция «как это плохо»: «терпя и камень треснет», «дотерпелись донельзя», «истерпелись мы – не стало терпения», а тюрьма, острог звались ранее как «терпиха» [2].

- Сносливость, внутренний контроль, собранность или организация противостояния, когда человек «крепится», «держится», «стоит, не изнемогая». Это реакция «как это сносить»: «час терпеть, век жить», «в терпении является сила и величие духа».

- Кротость, внутренний источник силы, опоры, позволяющей нейтрализовать, гасить давящую извне силу (насилие), когда человек «ожидает», «выжидает» чего-то лучшего, «надеется», «становится кротким», «смиряется». Это то, «что дает силы сносить»: «терпеть не беда, было бы чего ожидать», «оттерпимся и мы в люди выйдем», «терпя, в люди выходят».

- Терпеливость, внутреннее приятие, собственно позитивизация части внешнего насилия, субъекты которого признаются или предвидятся в качестве необходимого, когда человек «снисходит», «допускает», «послабляет», «потакает», «приноравливает», «дает повадку». Это реакция узнавания и приноравливания к стеснениям, сознательного дозволения, мазохистского потворства им: «От кого терплю, кого больше люблю», «стерпится, слюбится», «доколе терплю вам» (Мтф.)

- Терпение как рациональная и когнитивная позиция, итог и опытов страдания, и организации противостояния, и надежд, и приятия, когда человек уже «не спешит» (не бежит от напастей), «не торопит» (не опережает события), «не гонит», «сноравливает» [3]. Это уже не реакция, а именно позиция «метафизического обзора»: «терпение исподволь свое возьмет», «Бог долго терпит, да больно бьет», «обтерпишься, и в аду ничего!»

Опыт терпимости есть *опыт протеста (против), приятия и признания насилия*:

- протестуя (вопия) посредством страдательных реакций претерпевания, терпимость квалифицирует насилие – «как таковое» либо известную субъективно неприемлемую его часть – как «незаслуженное» и «несправедливое»;

- стойко принимая насилие через реакции сносливости и терпеливости, терпимость квалифицирует некоторые формы как «дальнего» (государство, корпоративные интересы), так и «ближнего» насилия (семья, друзья, соседи, начальники и сослуживцы) – как «легитимные», «легальные», «ожидаемые» (привычные);

- результирующе признавая принуждение, стеснение свободы в итоге опыта их переживания и рационализации, насилие, в конце концов, квалифицируется как «метафизически неизбежное», правила игры этого мира.

Из этого следует другая интересная особенность терпимости – ее *амбивалентность* и *избирательность.* К одному насилию человек *становится толерантен,* допускает его, сносит его, принимает и признает в качестве «своего» (от ближнего круга родственников, друзей и любимых) либо «нашего» (воспитание, нормирование общества). Другое (сверх нормы или же «чужое») насилие терпится с вызовом, отторжением, с угрозой сопротивления и попытками ответного устрашения. Оно не гуманизуется, не «утепляется» (не позитивируется) оппортунистическими настроениями потакания.

Само наличие отмеченных смысловых глубин терпимости – лучшее свидетельство его исторической *диверсификации* со стороны различных сфер культуры. Хотя терпимость – целостный комплекс реакций и позиций, все же бросается в глаза явная связь ее разных аспектов с разными доменами культуры, которые культивировали в терпимости то, что было потребностно им.

− Претерпевание – важное качество «человека социального», особенно в традиционных, «пирамидальных» по своей структуре обществах, бывших во многом настоящей «терпихой» для среднего индивида.

– Тенденции персонализации как исторического процесса становления личности – суверенного и самодостаточного душевного образования – культивировали сносливость, искусство необходимой самоорганизации для нейтрализации насильственных интервенций со стороны природного и социального окружения: невозмутимость, спокойствие, выдержку и равнодушие (апатию и атараксию).

– Главным условием возможности морали является потакание, толерантность ближнему своему – как в своей «сильной» форме (долг), так и в ослабленной форме «золотого правила»: относись к другим (имплицитно всегда – «своим») так, как хочешь, чтобы они относились к тебе или современное вульгаризованное «ты мне, я тебе». Без взаимных послаблений и снисхождений была бы просто невозможна семейная жизнь, родственные и дружеские отношения, цементирующие общественную жизнь.

– Религия, в ее классических выражениях – ригористическая этика и социальная авторитарность, культивировала кротость, смирение, подчинение в уповании на невидимое. Великие «субъекты кротости» констатировали, каждый по-своему, «нищих духом» как соль земли, абсолютное подчинение, «непротивление злу насилием» и пр.

– Наконец, пессимистическая философии, объединяя сносливость, кротость и терпеливость, отчасти, придумала сама, отчасти, экстрагировала из житейской мудрости «сноравливания» к насилию разнообразящиеся общепримирительные и успокаивающие формулы метафизического терпения: «жизнь есть страдание», «свобода – познанная необходимость», а человек – «мыслящий тростник», глубоко сам в себе носящий зло как некую инфекцию.

Соответственно, культура терпимости зависит в истории от политического и идеологического формата общества и развития соответствующих его сфер: морали, религии и философии.

В отличие от «насилия» [4], относительно парная категория «терпимости» – «нетерпимость». Почему «относительно»? Потому, что это лимит терпимости. Базовым понятием остается «терпимость». Ведь «нетерпимость» – «невозможность терпеть, дозволять, сносить *долее»* (курсив мой. – *В. К.*) [5].

Можно сказать, что нетерпимость имеет три смысла в отношении терпимости:

- это ее лимит, «нельзя долее»;
- отсутствие сноровки, человек еще не научился себя сдерживать;
- органическое душевное повреждение, когда человек по темпераменту, исходному асоциальному воспитанию имеет исчезающе малый запас терпения, очень короткий «поводок сдерживания».

Нетерпимость, таким образом, это во многом неразвитое, «непросвещенное» душевное состояние, оно производно от терпимости. Следует, вместе с тем, помнить, что слово «нетерпимость» используется и в других смысловых контекстах, помимо связки с терпимостью, но тогда оно дрейфует по своему смыслу к «неприязни», «ненависти», «враждебности», «отторжению», а это уже активные эмоции, вызывающие агрессию и насилие. В подобных контекстах нетерпимость есть негативная эмоция – в условиях либо отсутствия опыта терпимости, либо его принципиальной невозможности в силу радикально различного характера образующих человека душевных или культурных формаций.

Историко-антропологические корни «терпимости» находимы в эмоциональной привязанности, доверии детей к матери и другим близким родственникам, составлявшим «род», «клан», «общину» и т. п., которые компенсировались яростной ксенофобией в отношении неродственников. Затем эти чувства доверия, приятия, признания распространялись на представителей более крупных социальных образований: «соплеменник», «соотечественник», «единоверец», наконец, «человек». Вместе с тем, переход от «сородича» к «соплеменнику», не говоря уже об остальных категориях, не мог не сопровождаться, осложняться возрастанием нетерпимости (настороженности, недоверия, неприязни, непонимания) в отношении других племен, отечеств, вер, разумных рас.

Человеческая натура исходно была так отформатирована, что потенциал эмпатии у нас всегда как-то лимитирован, и «на всех» ее попросту не хватает. Человек исторически, то есть в течение основной доли своего присутствия на планете, находился в небольших общностях постоянно контактирующих между собой индивидов (от 20–30 до нескольких сотен) [6] и в среднем имеет предел возможных контактов, после чего обычно начинались стресс и отторжение. И лишь в последние 3–4 столетия происходит настоящая эскалация эмпатии при помощи космополитических идеологий (либерализма, коммунизма), мировой журналистики, телевидения и литературы, которые овнешняют миры людей других культур, делая их более прозрачными и понятными.

Терпимость – защитный пояс против насилия и его «нейтрализатор», то, что, в конечном счете, производно от насилия. Что такое насилие?

В общем смысле насилие понимается двояко. Широкий подход включает в насилие любую демонстрацию силы для оказания стесняющего влияния на других живых существ. Узкий подход интерпретирует насилие только лишь как непосредственное причинение какого-либо вреда живым существам. Полагаю, что уместны оба этих подхода – однако, в применении к двум разным сферам рассмотрения мира.

Узкий подход хорошо характеризует агрессию и насилие в мире живого до человека, точнее, до высокоорганизованных (интеллектуальных) социализированных животных и гоминид. Широкий подход с его явственными аксиологическими рамками, связывающими насилие с любой формой принуждения, стеснения свободы, что предполагает ее осознанность, уместен по отношению к миру культуры и человека.

Нижний предел фиксации агрессии и насилия – это, по всей видимости, появление живого на микроскопическом уровне. Так, эволюционные психологи [7] утверждают, что начало нашего углеводородно-белкового «ствола» жизни ДНК, связано с «первородным» глобальным актом насилия, который произошел в районе 1800 млн лет назад.

Агрессия и насилие вообще симбиотичны, и насилие выступает фазой эскалации агрессии. В мире относительно простых форм живого насилие выступает в формах непосредственного причинения вреда – в основном физического, хотя и здесь уже присутствуют формы психического принуждения и ритуализации угроз.

Новое качество человеческой агрессивности связано с новой стадией эволюции интеллекта – появлением и развитием способности приписывания психических состояний другим субъектам (теория ума Другого). Эта способность, как отмечают нейрофизиологи [8], полностью отсутствует у низших приматов и наблюдается в зачаточном виде у шимпанзе в неволе, однако развивается у младенцев.

Эмпатия, а не собственно какие-то новые логические способности, создает качество человеческого сознания, которое как бы объемлет, заполняет собой свою окружающую среду, очеловечивает ее – *символизирует и этизует,* образуя культуру, мир человека. Это стороны одного целого: символизация мира означает вменение ему смыслов (ради чего, почему), которых он заведомо не содержит, а смыслы тут же внутренне условно ранжируются или этизуются: добро-зло, справедливость-несправедливость, красота-безобразие, порядок-хаос и пр.). Фундаментальная предрасположенность человеческого мозга к моральным суждениям коренится, таким образом, в его способности создавать психические структуры, участвующие в оценке «себя как другого» и «другого как себя».

Именно подобное качество человеческого сознания создает неустранимую этизацию его поведения, а человеческий гедонизм и инстинкт самосохранения, самоутверждения обретают соответствующую этическую форму выражения в виде «стремления к свободе». Это видовая «психология-идеология», которая форматирует человеческую агрессивность отличным от животной образом. Поэтому если в определениях биологической агрессии лейтмотивом является «причинение вреда другому живому существу» для реализации собственных коренных интересов, то в определениях человеческой агрессии доминируют этические мотивы: «*злонамеренное* причинение», «ограничение *свободы* других» и т. п.

У понятия «насилие» отсутствует категориальная пара, как у «терпимости», что свидетельствует о принципиально активистском основании «агрессии-насилия», его онтологическом «стержне», субстанциальном образующем ось бытия живого как такового – воли к самоутверждению в сущем. В человеке земная жизнь имеет пока наиболее совершенную и яркую инкарнацию воли к самоутверждению и ее последнюю, интеллектуалистко-ценностную аранжировку в виде воли к приоритету.

Как бы мы ни хотели «оприличить» и гуманизовать человека, делая его любвеобильным-наихристианнейшим, либерально-наидобрейшим существом, его субстанциальная сущность (живого, жизни), вполне, кстати, нейтральная, – жить, чтобы жить, и «ничего личного», – агрессивное самоутверждение [9]. Человек смог стать доминантом на планете потому, что превзошел остальных в этом основополагающем качестве – насилии. Непосредственные же историко-антропологические корни насилия – врожденные особенности мужчин, особенно молодых мужчин от 15–25 лет, в виде склонностей к жесткому соперничеству, доминированию и созданию иерархий, самцовые структуры = социальные структуры.

Итак, человек (по умолчанию – мужчина) – существо дисциплины, создает социальный порядок и индивидуальный порядок в своей душе, систематически применяя насилие к другим людям и к себе. Более, конечно, к другим, ибо по отношению к себе применяют насилие немногие, способные выйти за рамки своего статуса «объекта социального форматирования» и посредством самонасилия попытаться превратиться в субъекта собственной душевности (самоформатирования).

Субстанциальность насилия в общественной жизни не следует понимать упрощенно – сама терпимость не только следствие, но и *сторона насилия.* К примеру, когда человек совершает акты насилия над своей потребностно-похотливой натурой, распущенностью, безответственностью, ленью – он является одновременно и героическим субъектом претерпевания, теряя возможность бездумных удовольствий и комфорта.

Субстанциальность насилия в истории людей выражается в том, что:

– оно является формой качественных изменений, переходов, смены эпох в виде крупномасштабных форм: войн, революций, конфликтов и бедствий;

– оно «самоорганизуется»: рационализируется, символизируется посредством формирующейся монополии на него со стороны государства, религии, морали и общественного мнения – оставаясь основой последних;

– оно интериоризуется, переходя из внешнего плана по отношению к отдельному человеку в его внутренний план совести и сонма культурных запретов, создавая все более мощные редуты терпимости.

Насилие как общественно-организованное принуждение делает природного человека именно «социальным, культурным существом». Увы, лишь единицы способны на аскетизм, самоконтроль и внутреннее идеалистическое развитие. Большинству же всегда нужна железная узда насилия: для буйных – уголовное и прочее право, для более кротких – вполне достаточны оказываются интериоризации норм морали и религии. Это насилие, так сказать, «полезное» и необходимое – как для социального целого, так и для целей формирования индивидуальной самосознательной душевности.

Общественно-организованное психическое принуждение, на чем, собственно, и базируется любое сообщество, предстает в виде «безличных резервуаров внешней воспитывающей воли, то скрывающихся за неуловимым обликом «приличия» и «такта», то проявляющихся в потоке «распоряжений» и «законов», то поддерживаемых простым и безличным «осуждением», то скрепляемых действием целой системы организованных учреждений [10]. Соответственно, в понимании насилия на первый план выходит «благое самозаставление» и «пресечение». «Закон» и «норма» здесь – формулы зрелого правосознания, закрепленные мыслью, выдвинутые волей, идущие на помощь незрелому, но воспитывающему себя правосознанию. Физическое воздействие здесь – крайняя стадия

заставляющего принуждения, задача последнего – пресечение душевного механизма ненависти и вражды, стремящегося вырваться наружу и закрепить себя в непоправимых поступках.

Таким образом, «плохим» оказывается, так сказать, «дикое» – незаконное, несправедливое, незаслуженное, нелегитимное, нелегальное насилие или насилие, чьи характеристики начинаются с приставкой «не-». Но вот кто, как и в чьих интересах определяет границы и масштабы этого «не-»? Вряд ли кто будет оспаривать утверждение о том, что определяют эти границы господствующие в это время и в этом обществе философско-антропологические и морально-религиозные представления. В отношении западной культуры, к которой с известными оговорками относится и Россия, микрокосм идеологических оценок насилия и терпимости образуем двумя полюсами дискуссионного напряжения.

Первый – христианская мораль кротости и либеральная просвещенческая идеология «доброго человека». Все люди равноценны, свободны от рождения, обладают в принципе одинаковыми природными (волевыми, интеллектуальными и пр.) ресурсами, каждый из нас «венец творения» по умолчанию. Будем иметь в душе Бога, создадим возможно более выдержанное социальное равенство и взаимную терпимость – и социальное зло, сиречь насилие, исчезнет.

Второй подход наиболее ярко воплотил Ф. Ницше, сделав радикально-антропологические и этические выводы из современной ему теории эволюции. Жизнь есть воля к власти, ее наиболее зримое воплощение. Активистские начала распределены всегда неравномерно – как среди живого, так и среди людей. Агрессивность, борьба выявляют сильнейшее и лучшее – на всех поприщах, в том числе и в социальной жизни. Христианство и буржуазная мораль (гуманизм Просвещения) культивируют терпимость и слабость, что гасит здоровые жизнеобразующие, «пассионарные» начала в людях, выхолащивают витальную основу цивилизации и ответственны за современное торжество серости, пошлости, посредственности «века масс». Потому-то и нужна переоценка всех ценностей, антропологическая революция.

Действительно, если не принимать ницшеанскую страсть к солдафонству, антисемитизму и совсем уж огульной критике христианства (все то, что он почти уже преодолел в своей последней перед помрачением сознания «Воле к власти»), то его позиция онтологической оценки человеческой природы и развития в формате «волюнтаристского» устройства вселенной вновь актуальна в свете современного приращения знаний в социобиологии и эволюционной психологии. Конечно, ему явно не хватало терпимости, прежде всего к «массе», но, может быть, сейчас *нужно именно ограничение терпимости,* а не насилия, которое провоцируемо именно современным режимом сознательного попустительства и расцветает в каких-то социально-неестественных злокачественных образованиях.

Здравая социальная терпимость перерождается в искусственно-идеологизированную терпимость или же «толерантность», так называемую «политкорректность». Субъектами этой новой терпимости выступают прежде преследуемые либо социально уязвленные социальные группы, их радикально-идеологический авангард, выдвинувшиеся и самоутверждающиеся во второй половине XX в.: феминизм, сексуальные меньшинства, борцы за права рас и животных.

Собственно, в этом не было ничего плохого, если их борьба не начинает вызывать явления социальной лживости и двойных стандартов. Лишь два примера:

− Известный социальный мыслитель Ф. Фукуяма указывает [11], что какая-то разумная открытая дискуссия по вопросу о генетической подоплеке преступлений в США попросту невозможна. Причина в том, что, поскольку афроамериканцы занимают непропорционально большую часть в криминальном населении США, любое предположение, будто существует генетический компонент, будет воспринято как утверждение, что чернокожие генетически более предрасположены к преступлению. Такие же вопросы

рождает и информация о компоненте кавказцев в криминальном населении России – и мы получаем запрет на указание национальности в средствах массовой информации при освещении преступности.

– Последние кинопремии, а также гранты на исследования вручают непременно за известные «политкорректные» темы: мониторинг прав человека, трудности «голубой любви», борьба мусульманских женщин, зверства сербов и притеснения евреев.

Может быть, этот «перехлест» временен и связан с естественной, преходящей фазой радикализации, которая вполне обычна для процесса легализации новых социальных групп, ранее занимавших аутсайдерские позиции, и затем наступит «нормализация». Вполне возможно, но так или иначе, современная «толерантность» рождает систему новой социальной лжи, умолчаний, подразумеваний, и эта ложь провоцирует социальное напряжение, всегда разрешающееся в насильственных формах.

Не впадая в алармизм, нелишне вновь напомнить об опасности воинственности «нищих духом», первый раз захватившими бастионы культуры во времена поздней Римской империи в атмосфере всеобщего безразличия, попустительства (древней толерантности), когда критика философов (стоиков, неоплатоников) была воспринята как «нетерпимость». Второй раз это произошло в последние два столетия. Все началось с сентиментализма, жалости к бедным людям, долга перед народом, внимания к маленькому человечку, а этот маленький человечек стал большим хамом, готовым выгнать хозяев из их дома.

Потому умозаключим: контроль, прежде всего, культурный, ментальный, нужен не только над насилием, но и над толерантностью, современной идеологизированной формой терпимости.

Литература

1. Ее нет в отечественной философско-справочной литературе советского времени – в «Философской энциклопедии» и «Философском энциклопедическом словаре», что вполне понятно, как, впрочем, не нашлось ей места и в «Новейшем философском словаре» (Минск, 1999) и «Всемирной энциклопедии. Философия» (М., Минск, 2001) и переводном «Большом толковом социологическом словаре» (М.: Collins, 1999). «Большой энциклопедический словарь» (М., 1998. – С. 1208) и «Современный словарь иностранных слов» (М., 1993. – С. 610) дают идентичную информацию о преимущественно медико-биологическом употреблении этого слова, и лишь третий смысл слова «толерантность» коррелирует со словом «терпимость».
2. Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 2000. – Т. 4. – С. 401–402.
3. Имеет уже апробированные заготовки-реакции, ключи-отмычки для типических проблем.
4. Конструкция «ненасилия» есть идеологизированная форма терпимости, толерантность к насилию (в смысле неспособности бороться, один из медико-биологических смыслов толерантности) как уже сформированная душевно-органическая неспособность социально адекватно отвечать на него. Насилию, по сути, нет «парной диалектической» категории.
5. Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 2000. – Т. 2. – С. 539.
6. Городские поселения и цивилизации начинаются от 7–10 тыс. лет назад, да и то долгое время лишь для небольших, наиболее плодородных анклавов Земли. Вплоть до Нового времени планета оставалась сельской для большинства ее обитателей.
7. Палмер **Д. и А. Эволюционная психология.** http://ethology.ru/persons/?id=33 До того времени жизнь на планете представляли два рода живого. Первый – это анаэробные бактерии, бывшие старожилами Земли, чьей средой обитания было отсутствие кислорода (облигатные или строгие), либо незначительное его присутствие (факультативные). До сих пор они присутствуют в почве, воде, донных отложениях. Тогда же, на заре времен, они были основной формой жизни. Стратегическая ситуация жизни, однако, в течение сотен миллионов лет существенно менялась в результате постепенного насыщения земной атмосферы кислородом как следствия жизнедеятельности появившихся позднее второго рода живого, «врагов» анаэробов – фотосинтезных бактерий. Чтобы спастись от ядовитого для них кислорода, анаэ-

робы трансформировались в эукариотов (клетки с ядерной мембраной), породив основу для современной жизни. Они решили проблему с кислородом, не изменившись физиологически сами, поглотив, включив в себя, «пленив», или говоря более изящно, «вступив в симбиотические отношения» со значительно более мелкими бактериями, у которых уже существовали биохимические механизмы метаболизма кислорода. От этих, утилизующих кислород бактерий, произошли митохондрии, которые обитают в наших клетках. Митохондрии сохранили независимость размножения – от вмещающих их клеток, несмотря на 1800 млн лет совместной эволюции. Функция этих органелл – функция «обслуги», но и хозяин не способен жить без них. Таким образом, у истоков эволюции царства животных мы видим захват-поглощение – спустя всего лишь полмиллиарда лет после того появились первые многоклеточные организмы (около 1 мм). Такой же симбиоз-насилие, но в виде удачного «пиратского рейда» по захвату «корабля», образовал и другое великое царство жизни – царство растений. Здесь фотосинтезные бактерии внедрились в более крупные клетки, став предками хлоропластов современных растений и определив их образ жизни.

8. Шанже Ж. -П. Взгляд нейрофизиолога на основания этики. Нейрофизиологические основы этического поведения. Лекция, прочитанная в Центре биоэтики Университета Торонто // ж. «Человек». – 1999 – № 5–6.
9. «Агрессивное» – не от хороших условий. Жизнь – сама есть постоянно длящийся стресс от давления стесняющих (насильственных) природных условий, ограниченности пригодных ресурсов и мест обитания. Выживи, в конкуренции с другими видами и собственными сородичами, передай дальше свои гены – или умри.
10. Ильин И. А. О заставлении и насилии http://www.philosophy.ru/library/il/01/00.html
11. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. – М.: АСТ, ЛЮКС, 2004. http://alt-future.narod.ru/Future/Fnpb/fukunpb.htm

А. А. Хамидов
доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник Института философии и политологии
Министерства образования и науки Республики Казахстан

ФЕНОМЕН ТОЛЕРАНТНОСТИ И ЕГО ОБОРОТНАЯ СТОРОНА

Последние два десятилетия весьма заметно повышенное внимание к теме и (или) проблеме *толерантности*. Подчас в ней усматривают едва ли не панацею от негативных феноменов, захлестнувших вторую половину XX и начало XXI столетий, – от межэтнических, межнациональных, межконфессиональных и иных розней, конфронтаций, конфликтов. Но так ли надежна она – толерантность? Вот об этом и пойдет у нас речь.

Толерантность (от латинского tolerantia, что значит *терпимость*) есть принцип, максима и императив внешне не-агрессивного, не-нетерпимого отношения индивида, группы, этноса, нации, конфессии и т. д. ко всему инаковому – к иным воззрениям, ценностям, обычаям, вероисповеданиям и т. д., – как бы оно ни не согласовывалось со своими собственными, принятыми за правильные, ориентирами, ценностями и т. д. Но принципы, максимы и императивы соответствуют собственному понятию, лишь будучи претворяемые в действительных поступках, поведении, действиях, отношениях. Рассмотрим в этой связи главные типы отношений и их внутреннюю логику.

Как известно, М. М. Бахтин выделил три типа отношений: 1) объект-объектные, 2) субъект-объектные и 3) субъект-субъектные [1]. Он предложил для их обозначения понятия-метафоры (соответственно) «монологические отношения» (для первых двух) и «диалогические отношения» (для третьего типа). Первый тип – если только строго следовать сути дела – не является типом отношений, ибо сферой и границами его